

УДК 070(470+571)«18»
ББК 76.02

А.С. ПУШКИН В КРИТИКЕ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Т.В. Назарова

Выявлены методологические основы парадоксального отрицания значения наследия поэта для русской культуры. Определен общий вектор восприятия творчества Пушкина сотрудниками крупнейшего демократического журнала. Проанализированы причины двойственности оценок, характерной для всей журнальной партии.

Ключевые слова: *творчество А.С. Пушкина, интерпретация, демократический журнал, теория «народного реализма», методология литературной критики.*

Проблема восприятия и оценки творчества Пушкина русской критикой в основном изучалась в отечественном литературоведении в аспекте сменяющих друг друга концепций. Внимание исследователей привлекала парадоксальная недооценка наследия поэта, характерная для демократической критики XIX столетия. В работах А.М. Гаркави, Б.Ф. Егорова, М.Г. Зельдовича, В.В. Ильина, С.С. Конкина, Г.В. Макаровской, М.И. Рунт, И.В. Попова выявлены методологические установки критиков, обстоятельства общественно-литературной борьбы, обусловившие оценки пушкинского творчества (см.: [1; 2; 4; 5; 9; 10; 11; 13; и др.]).

В статьях И.В. Кондакова «антипушкинский нигилизм» рассматривается как показатель «контркультурного» значения демократических устремлений русской критики (см.: [6; 7; 8]), направленных «на расширение влияния литературы в массах в ущерб ее ценностно-смысловому росту» [6, с. 111]. Систематическое изучение всех суждений о поэте, рассеянных на страницах крупнейшего демократического журнала «Отечественные записки» (1868–1884)¹, позволяет избежать однозначности таких выводов. Оценка творчества Пушкина, рассмотренная как часть литера-

турной политики журнала, обладавшего цельностью направления, позволяет с большей точностью определить доминанты историко-функциональной динамики восприятия наследия поэта, объяснить закономерности критических интерпретаций.

Контактно-типологический анализ журнальных оценок включает изучаемые материалы в конкретный методологический контекст, позволяя выявить идейно-политическую подоснову полемики о поэте, определить аспекты его творчества, которые оказывались исторически действенными в литературном процессе конца 1860-х – начала 1880-х годов. Выяснение причин недооценки литературного явления такого масштаба, как Пушкин, способствует объективному осмыслению теорий, стремившихся превратить литературу в инструмент политической пропаганды, массового идеологического воздействия. Изучение противоречий и динамики оценок как результата развития индивидуальных критических методов с учетом их взаимовлияний позволяет уточнить своеобразие эстетических и теоретико-литературных воззрений М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.К. Михайловского, А.М. Скабичевского, М.К. Цебриковой, М.А. Протопопова, Г.З. Елисеева, Н.А. Демерта, С.Н. Кривенко, трансформировавшихся под влиянием конкретных задач журнальной борьбы. Их анализ дает возможность уточнить как общность концепций, так и индивидуальные особенности восприятия Пушкина сотрудниками

журнала, выявить на фоне журнального контекста смысл высказываний о личности и творчестве поэта, зачастую не объяснимый с точки зрения традиционных методов изучения истории русской критики. Избранный аспект изучения позволяет воссоздать фрагмент еще не исследованной до конца литературной истории «Отечественных записок», который не представлен в существующих монографиях об этом журнале (см.: [3; 14; 15]). Он предоставляет возможность расширить и конкретизировать представления о дифференциации демократического сознания последней трети XIX века. Анализ нередко противоположных суждений о Пушкине в силу их теснейшей связи с историей развития общественной и критической мысли способен пролить свет на понимание логики культурно-исторического процесса. Следует учитывать также, что анализируемое издание представляло собою оппозиционную власти журналистику, и его опыт имеет существенный интерес для формирования и функционирования современной прессы, претендующей на независимость.

Суждения о Пушкине содержатся в критических статьях Д.И. Писарева, А.М. Скабичевского, М.К. Цебриковой, в рецензиях, фрагментах художественно-публицистических циклов М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.К. Михайловского, А.П. Пятковского, в публицистике С.Н. Кривенко, Г.З. Елисеева, В.И. Водозова, М.А. Протопопова, Г.И. Успенского.

Основной круг произведений поэта, к которым постоянно обращались «Отечественные записки», определился в первых же номерах преобразованного Некрасовым издания. Прежде всего, это роман «Евгений Онегин», преимущественно его главный герой, стихотворения «Поэт» («Пока не требует поэта...»), «Поэт и толпа», «Поэту» («Поэт, не дорожи любовью народной...») и «Герой». Кроме того, предпринимались попытки определить общее значение творчества Пушкина для современной литературы (как этап в развитии реализма) и современного читателя (в плане социально-просветительских задач журнала). Такая избирательность в подходе к пушкинскому наследию была следствием литературно-критической программы «Отечественных записок», направленной на обоснование нового этапа в развитии реализма, кон-

цепций народного писателя и нового героя, призванных служить образцом для подражания. Пушкинские образы помещались в принципиально новый контекст и в зависимости от его характера могли получать: публицистическую интерпретацию (превращаясь в социально-психологический тип, трактуемый с большей или меньшей долей историзма в зависимости от установки статьи); теоретико-литературную интерпретацию (превращаясь в модель определенного способа типизации в зависимости от представлений автора о художественном методе, натуралистических, реалистических, романтических принципах изображения); историко-литературную интерпретацию (как правило, совмещающую своеобразный конкретно-исторический анализ образа и представления о разных принципах типизации, соответствующих различным этапам в развитии реализма); делалась попытка учесть и характер восприятия наследия поэта основной массой «заурядного»² читателя и критикой прошлых десятилетий.

Основным фактором, определявшим характер интерпретации творчества Пушкина в «Отечественных записках», была программа развития народной литературы³. Она была основана на постижении логики и закономерностей общественного процесса, в котором литературе отводилась роль идеальной духовной силы, способной возбуждать в обществе потребность самосознания и служить источником общественного движения. Специфической особенностью историко-литературной концепции журнала, служившей основанием для прогнозирования следующего этапа реализма, был повышенный интерес к проблеме характера в литературном произведении. Литературный процесс чаще всего рассматривался сквозь призму личности героя, преемственности в становлении характеров персонажей, их общественной позиции. Образ Онегина, родоначальника типа лишнего человека, лирический герой поэзии Пушкина и сама личность поэта оказывались сопряжены, с одной стороны, с проблемами взаимоотношений интеллигенции и народа, с другой – с проблемами выработки принципов новой художественности, первоочередными для журнала в 1868–1872 годах.

Вопреки установившейся в демократической журналистике к концу 1860-х годов тра-

диции отрицательного отношения к этим образам (см. об этом: [5; 9; 12]), в целом в журнале восстанавливается объективно-историческая оценка значения пассивного социального протеста, хотя в целях социальной ориентации читателя характеристика героев пушкинского романа ведется с двух исторических точек зрения, разъясняется, что в изменившейся исторической обстановке он является анахронизмом. Устанавливаются преемственные связи между типом «лишнего человека» 1820-х – 1830-х годов и «новыми людьми» 1860-х⁴. Значение Пушкина определяется идеей свободы, воплощенной не в конкретных образах (А.П. Пятковский и В.И. Водовозов отмечают неоднозначность отношения поэта к Онегину, идеалу романтической любви, программе свободы творчества, заявленной Поэтом), а во всем его творчестве: «Пушкин везде стоит за свободу чувства» [см. статью В.И. Водовозова «О воспитательном значении русской литературы» (1870. № 5. Отд. II. С. 98)]. Постоянное упоминание имени Пушкина для обозначения вершин мировой культуры говорит о том, что в журнале складывалась концепция вневременного нравственно-эстетического значения поэта.

А.М. Скабичевский был единственным критиком журнала, не увидевшим в пушкинском творчестве «даже тех идей, которые явились в 30-е годы, и вообще никаких идей, кроме самых наивных, шатких, чисто детских взглядов на жизнь» [см. статью «Дмитрий Иванович Писарев» (1869. № 3. Отд. II. С. 65)]. В его понимании поэт-аристократ, далекий от сознательного гражданского осмысления жизни, «бессознательно» выражал интересы своего круга и служил его эстетическим запросам. В представлении Скабичевского в Онегине воплощен идеал самого поэта, отразивший «поверхностное» увлечение русского дворянства западным романтизмом. Закономерным в силу охранительных интересов сословия Скабичевский считал «поворот Пушкина к реакционному консерватизму» и «чистому искусству». Но, в отличие от Писарева, саму «бессодержательность и пошлость» (там же. С. 84), обыденность пушкинских сюжетов критик оценивает как исторически важный первый шаг к реализму. В результате «непосредственного творчества» Пушкин, как

считает Скабичевский, свел поэзию «с заоблачных высот на землю» и проложил путь творчеству Гоголя и натуральной школе. Намечается характерное для концепции Скабичевского противоречие между стремлением противопоставить Пушкина как символическое воплощение «прошлого», искусственно возвышенного типа творчества, далекого от потребностей масс, «простому», демократическому художественному творчеству и необходимостью в то же время опереться на пушкинский метод в силу его уникальной универсальности.

Двойственность в оценке значения Пушкина в первый период журнальной истории (1868–1872) была обусловлена тем, что внешне единая для всех критиков журнала программа литературного развития имела различные эстетические основания. Социологическая характеристика имманентно взятых образов и идей совпадала, а пути постижения концепции произведения или творчества в целом у сотрудников «Отечественных записок» оказывались принципиально отличными.

Разработка программы развития литературы в «Отечественных записках» была связана с выяснением методов максимального воздействия на массовую аудиторию с целью просвещения народа и пробуждения его самосознания. Общими усилиями создавалась нормативная теория творчества с сильным рационалистическим началом. Формулировались требования к «народному» реализму: в основе произведения должна лежать идея современная, от художника требуется полное сочувствие этой идее, произведение должно приводить к «перевороту» в совести читателя. «Цивилизующая» «критическая» мысль как основа исторического прогресса приковывала внимание всех сотрудников. Но для концепции Салтыкова было характерно представление об образной реальности, рождающейся в столкновении убеждений писателя и самих жизненных фактов. При всем стремлении привлечь искусство к служению определенным политическим целям, обосновать примат мировоззренческих установок в художественном творчестве в практике критического анализа он делает акцент на объективно-познавательной стороне художественного содержания. В рецензиях, посвященных творчеству Д.Л. Мор-

довцева, Л.А. Ожигиной, М.В. Авдеева, В.Г. Авсеенко, Ф.М. Решетникова, идейное содержание рассматривается минимально, вопросы авторского мировоззрения неизменно отодвигаются на второй план. Критика в первую очередь интересуется то, что «благонамеренность» растет, а талант «падает». Принципиально оставая в стороне «мысль, положенную в основание романа» (1868. № 5. Отд. I. С. 67), Салтыков обращается к способам построения художественного образа. Под идейностью в литературе Салтыков понимает не только специфику ее конкретно-образного воплощения, но и сложную целостность художественной мысли. Поэтому и герои дворянской литературы оцениваются не с точки зрения социально-политической актуальности, а как образцы художественно-правдивого воспроизведения проблемы века. Обращаясь в 1870 году к тургеневскому «лишнему человеку», Салтыков рассматривает не «вред сочувствия» Тургенева своим «изящным» героям, который «заразителен» для читательского сознания, а неоднозначность его оценки и «объективность» социально-исторического объяснения психологии типа. Авторская позиция, по Салтыкову, не сводима к прямо высказанным суждениям. Она выражается всей концепцией произведения, может быть и недосказанной, и «по праву, потому что и в жизни... часто бывает недосказанной» (1868. № 10. Отд. II. С. 170). Даже бегло упоминая стихотворение «Герой» при характеристике современных «прогрессистов», он возвращает словам Поэта их первоначальный смысл и в этом же номере журнала, принципиально ставя Пушкина в один ряд с Белинским, подчеркивает оппозиционный смысл пушкинского творчества (1871. № 1. Отд. II. С. 50).

Оценка литературных произведений М.К. Цебриковой также не сводится к выяснению характера политической идеи. В качестве основного критерия ею выдвигается понятие «таланта». Обращаясь к героям романа Пушкина, она неизменно подчеркивает мастерство пушкинского критического анализа за действительности⁵.

Последние статьи Писарева по типу сопоставимы с добролюбовскими. Нравственное значение образов «Войны и мира» в статье «Старое барство» (1868. № 2) извлекает-

ся из «объективного смысла» произведения. Писарев демонстративно отказывается учитывать авторские мировоззренческие установки. Следствием такого же понимания «идеи» произведения были постоянные обращения к пушкинским текстам А.П. Пятковского, неизменно напоминающего о «полезности» и «воспитательном значении» творчества поэта для современного читателя. В статье В.И. Водовозова «О воспитательном значении литературы» (1870. № 5) восстанавливается историческое значение творчества Пушкина.

Теория народного реализма Скабичевского строится на других основаниях. Верную жизненной правде тенденцию способно, в понимании Скабичевского, обеспечить только внутреннее сознание личности, причем, в отличие от Салтыкова, не «объективное», а «субъективное» [см. статью «Новое время и старые боги» (1868. № 1. Отд. II. С. 5)]. Идеалом провозглашается искусство, проистекающее из логических убеждений, сформулированных потребностями сословия, и подчиненное рационалистически точной цели. В творчестве Пушкина и во всей литературе 1820–1830 годов он не находит «никаких глубоких и здоровых идей, которые развивали и двигали бы общество» (там же. С. 28), поскольку анализирует не литературу, а социальную психологию и мораль дворянства. Согласно сформулированной им теории «рефлектирования впечатлений», художественное мышление уподоблялось научному, что приводило к поиску авторского «умозаключения» в художественном тексте, отождествлению автора и героя. Характер мировоззрения художника становится основным критерием оценки литературных явлений. При анализе произведения выдвигается тезис, доказанный формально логическим путем (центральный герой получает нравственную оценку с точки зрения идеала труженика), накладывается на конкретное произведение, объективный смысл которого не учитывается. Выборочный пересказ и цитирование превращаются из элементов анализа в доказательства идей критика. Диалогический характер критики утрачивается, основное место в разборах Скабичевского занимают вульгарно-социологические выводы и морализаторство. В противовес салтыковской концеп-

ции личности Пушкина «возвышающейся над общим уровнем недовольных жизнью» и «протестовавшей безвременной своею гибелью» (1871. № 1. Отд. II. С. 50) возникает «документально» подтверждаемая версия жизни поэта, прошедшего путь от «молодого буйства» к «патронажу». Соответственно выстраивается концепция «веселонравного» творчества, прошедшего путь формально-стилистического совершенствования (1868. № 1. Отд. II. С. 30). Эстетическое воздействие произведений Пушкина не учитывается как не существующее, согласно теории рефлексирования впечатлений, для психологии «нормального» труженика (там же. С. 160).

Заявленная Скабичевским в 1869 году попытка противопоставить Писареву свое понимание исторического значения пушкинского романа в сущности меняла немного. Уже в работе «Очерки умственного развития нашего общества» значение пушкинского «первого шага к реализму» Скабичевским снимается, на первый план выдвигаются «непроизводительные» попытки изобразить мелкие «чувствица» полубразованной массы, влияние Пушкина на Гоголя оценивается как «вредное».

Еще одним основанием для отрицания значения Пушкина была теория народности литературы, которая в формулировке Скабичевского приобретала характер регламентации отбора жизненного материала, типизации и оценки. Предметом изображения в литературе, по мнению критика, мог быть только народ, типизация, представлявшаяся ему как род суммирования, предполагала обобщение трудовых качеств русского народа, включая всю русскую историю, а верная оценка реальности (с точки зрения трудовой нравственности) оказывалась доступной только выходцу из низшего сословия. В программной статье «Живая струя», посвященной проблеме народности литературы, характер творчества Пушкина определен Скабичевским как «кастический». Критик доказывает, что в силу сословной замкнутости поэт был способен изображать только несколько десятков людей, его окружавших.

Однако общая для сотрудников «Отечественных записок» неудовлетворенность состоянием современной литературы о народе,

«дидактизм и нехудожественность» произведений писателей-разночинцев, которую к 1870 году Салтыков перестал извинять «неработанностью» новой темы, не могла не повлиять на эстетические представления Скабичевского.

Перемена в восприятии пушкинского наследия у Скабичевского (а именно ему принадлежит большая часть «пушкинских» материалов) произошла к 1873 году и была частным следствием изменений в методологии его критики. В развитии его эстетических представлений прослеживается несомненное влияние литературно-критических выступлений Салтыкова. Основное влияние на Скабичевского оказала непосредственная практика щедринаского критического анализа, в которой выявляется синтез эстетических и социологических принципов. В двух статьях Скабичевского 1873 года «Л.Н. Толстой как художник и мыслитель», «Сентиментальное прекрасное в мундире реализма» и в «Беседах о русской словесности», написанных несколько позже – в 1876 году, отразились еще два этапа становления теории «рефлексирования впечатлений». В этих работах пушкинские произведения рассматриваются как образцовые, несомненно заслуживающие тщательного изучения и подражания в плане художественности. При новом формулировании теории «рефлексирования впечатлений» теоретический уровень осмысления жизни выносятся Скабичевским за пределы художественного творчества как предшествующий ему, руководящий художником при выборе предмета «изучения». На стадии «свободного и непроизвольного» творчества решаются исключительно «художественные цели» (1873. № 9. Отд. II. С. 18). Но в представлении Скабичевского свобода творчества превращается в стихийность.

Признание специфики образного видения мира для Салтыкова служило основанием для обращения к объективному смыслу произведения, он стремится к определению связи между мировоззрением и талантом. Скабичевского оно приводило к попыткам объяснять творчество (в частности Пушкина) через противоречия между абстрактно-теоретическим мышлением художника и объективным смыслом произведения, при этом по-прежнему пре-

увеличивалась роль «условий», определяющих развитие и мировоззрения, и таланта. Критик не оперирует понятием «художественный образ», но им сформулирована новая классификация типов («относительные» и «безусловно идеальные»). Это означает, что литературный тип уже не сводится Скабичевским к логизированному социально-психологическому характеру, а отражает объективно существующие в данную историческую эпоху черты личности и одновременно идеальные возможности желаемого развития. Создание «безусловного идеала», по мнению критика, в искусстве невозможно, поскольку он существует как «отвлеченная категория мышления» (1873. № 9. Отд. II. С. 14). На том основании, что реализм предполагает воплощение характерного, независимо от представлений автора об идеале, Скабичевский возвращает пушкинским произведениям их историческое значение и начинает анализировать их как образцовые создания «истинного реализма». Новый этап формирования теории рефлексирования впечатлений послужил основанием для развития Скабичевским тезиса Белинского о том, что гений Пушкина более «созерцательный». Он отмечает у Пушкина все тот же недостаток жизненных наблюдений, «вызванный кастовой замкнутостью», который и явился, по мнению критика, причиной отсутствия «подлинного пафоса» в драме «Борис Годунов». Скабичевский приходит к выводу, что удачными оказались только бытовые сцены смутного времени, характер самозванца «неестественен, ходулен», напоминает «злодеев пошлых мелодрам» (там же. № 5. Отд. II. С. 34).

Дальнейшая разработка теории Скабичевского, повлекшая новое усиление критицизма к пушкинскому наследию, очевидно, шла под влиянием теории прогресса Н.К. Михайловского, сотрудничество которого в «Отечественных записках» к середине 1870-х годов активизируется.

Наследие поэта, демонстративно отказавшегося «зависеть от народа», идеально ложилось в схему «типов» и «степеней» развития, которая складывалась и обосновывалась в статьях Михайловского, публиковавшихся в «Отечественных записках»⁶. В идеале Михайловскому виделся художник синкретического типа, который по признаку «неде-

лимости» близок «типу» первобытного человека, но поднят на более высокую «ступень» развития. Его историко-литературная концепция имела два плана: с одной стороны, он устанавливает этапы развития литературы с учетом социальной природы творчества, с другой – право судить о них с точки зрения «интересов народа». Его теория имела в основе очень резкое противопоставление понятий «нация» и «народ», из которого вытекал тезис о наличии двух параллельно развивающихся культур. Программа образования народа, по мысли Михайловского, не должна включать в себя его «воспитания», искажения нравственных идеалов «высшего» типа. Его крайне резкие суждения о Пушкине, прозвучавшие со страниц «Литературных и журнальных заметок» и «Записок профана», имели целью не столько оценку, сколько желание снять пушкинский вопрос с повестки дня. Он не находит в творчестве поэта содержания, которое бы отвечало запросам времени, а необходимой точкой отсчета для определения упадка или прогресса новой литературы Пушкин для него не является⁷.

Суждения Михайловского о Пушкине подхватываются С.Н. Кривенко [в статье «Новые признаки в нашей литературе» (1878. № 8. Отд. II. С. 226, 266, 269, 270)] и М.А. Протопоповым [в статье «Литературная злоба дня» (1877. № 1. Отд. II. С. 4, 21–22)], чьи выступления можно определить как новый рецидив утилитаризма в «Отечественных записках». Откровенное противопоставление «беспольной» художественности пушкинского наследия насущным потребностям жизни народа было частным проявлением изменений в литературной политике журнала. Рационалистически исследуя процесс капитализации русской действительности, «Отечественные записки» обнаруживали конфликт разбушевавшихся индивидуалистических страстей и решения проблемы искали в «исконной» народной нравственности.

В это время Скабичевский создает собственную теорию «типов» и «степеней» развития на теоретико-литературном уровне. В «Беседах о русской словесности», которые стали заключительным этапом формирования теории «рефлексирования впечатлений», типы, созданные Пушкиным, Гоголем, Грибоедо-

вым, снова привлекаются как образцовые для писателей-реалистов новой школы. Цикл «Бесед» имел целью исследование коммуникативной функции искусства, которая осознавалась критиком в тесной связи со специфичностью познавательной функции литературы. Скабичевский устанавливает разницу между научным и поэтическим сознанием. На новом этапе основой произведения он полагает не рационалистическую цель, а «чувство», но в представлении Скабичевского оно запрограммировано средой, сформировавшей мироощущение писателя. Бесплодными, «неискренними», по убеждению критика, являются усилия писателя изображать то, чего он не пережил, «не почувствовал» сам. В этой логике «чужеродными» оказываются «жалкие попытки» Пушкина «корчить из себя то Данте, то Шекспира, то южных славян» (1876. № 11. Отд. II. С. 226). Новый этап теории «рефлектирования впечатлений» позволял Скабичевскому объяснить «противоположные» тенденции в лирике Пушкина по схеме: истинное лицо поэта-барина – «веселонравие», мрачный критицизм и «вольные» мотивы – «чужеродность». В этой связи практически исключается возможность имманентного рассмотрения творчества, исключительное значение приобретают факты биографии, прототипы, исторические экскурсы. Метод Скабичевского получает свое логическое завершение, соответственно им самим осознанным принципам, как «историко-генетический». Скабичевский обосновывает природную субъективность искусства, многовариантность видения мира, объективную возможность существования разных точек зрения. Но степень близости к объективной истине обуславливается социальной принадлежностью художника. Это было новое обоснование прежней концепции «случайности» и ограниченности видения подлинной действительности художниками, не принимающими реального участия в общенациональном «труде». Высокая оценка, данная произведениям Пушкина, Тургенева, Гончарова в первом письме «Бесед», практически снималась в последующих теорией «типов» творчества. Скабичевский исходит из принципиальной невозможности объективного отражения мира в искусстве. То, что «пушкинский» способ восприятия и отражения жизни продолжает

существовать, связывается критиком не с многомерностью самой жизни, а с тем, что продолжает существовать «привилегированная среда», ее порождающая.

Грядущие социальные перемены, по мысли критика, оставят только одну, единственно верную (народную) концепцию понимания действительности.

Основным камнем преткновения при анализе произведений Пушкина для Скабичевского остается «объективно-спокойный», «олимпийски беспристрастный» тон его произведений. Отказавшись от поисков непосредственного выражения главной идеи в форме разного рода сентенций, доказав несводимость смысла (особенно в лирике) к умозаключению, Скабичевский стремится не столько исследовать «чувство» художника, сколько оценить его с точки зрения прогрессивного общественного идеала. Декларируя, что произведение искусства не может содержать «ответ на вопрос», он все-таки ищет этот ответ. Пушкинское столкновение равновеликих истин, принципиальная недосказанность остаются ему недоступны.

В 1878 году в статье «Н.А. Некрасов» содержание лирики Пушкина сводится Скабичевским почти к нулю при сравнении ее с некрасовской (1878. № 4. Отд. II. С. 403). Но в то же время Г.З. Елисеев в статье «Внутреннее обозрение» (1878. № 3. Отд. II. С. 130) выступает против принципа оценки поэзии «на вершки» и отвергает саму возможность сопоставления поэтов, разных по целям творчества. Он не противопоставляет, а выявляет специфику тенденциозного «чувства» Некрасова и многоаспектного постижения жизни в творчестве Пушкина. Тенденциозная поэзия, по его мнению, во все времена «уже» классической, но такова ее общественная роль и цель. Художественное совершенство произведений Пушкина для Елисеева – абсолютный идеал, «образец совершенства формы» (там же. С. 137).

Противоположная оценка актуальности пушкинского творчества в статьях Г.И. Успенского «Пушкинский праздник» (1880. № 6. Отд. II. С. 173–196) и Н.К. Михайловского «Литературные заметки» (там же. № 7. Отд. II. С. 122–133), посвященных Пушкинскому празднику 1880 года, была вызвана факторами вне-

литературного порядка. В момент подъема освободительного движения «Отечественные записки» стремились воздействовать на политическое сознание народа, указать общественные задачи, настоятельно требующие разрешения. Для редакции было неприемлемо какое-либо объединение всех политических партий, а именно такую общественную окраску имели торжества. Успенского интересовали само наследие поэта и возможности его интеллектуального влияния, Салтыкова и Михайловского – политические итоги праздника.

Соотнесение с журнальным контекстом позволяет уточнить смысл салтыковских обращений к Пушкину в «Письмах к тетеньке» (1881. № 3. С. 261–262; № 11. С. 277). Вряд ли можно видеть в них стремление сатирика выразить собственное отношение к поэту. Это было свидетельство актуализации пушкинского наследия в период спада общественной активности. В условиях политических преследований тема интеллигенции в «Отечественных записках» эволюционировала, журнал уповал «на внутреннюю свободу» «культурного» человека, которая предохранит его от деморализации. В этой связи пушкинское философское осмысление свободы личности, «стремление к общечеловеческим идеалам» приобрело высокое нравственное значение, еще раз подчеркнутое Салтыковым в некрологической статье «И.С. Тургенев» (1883. № 9. Отд. II. С. 2).

Характер интерпретации творчества Пушкина «Отечественными записками» был обусловлен спецификой функционирования критики в издании, имевшем программу изучения социально-экономических отношений и пробуждения политической активности широкой народной массы. Важнейшими факторами интерпретации творчества Пушкина журналом «Отечественные записки» были представления о его восприятии массовым читателем, понимание роли литературы и программа ее развития, связанная с усилением социально ориентирующей функции.

Значение имела и многолетняя полемика с «Русским вестником», «Вестником Европы», журналом «Дело» о развитии литературы и критики, о путях русской культуры. «Отечественные записки» в качестве литературной программы выдвигали норма-

тивные теории творчества с сильным рационалистическим началом. Своеобразие характера нормативности, связанное в конечном счете с социально-политическими предпочтениями критиков, обусловило некоторые (и часто значительные) различия в оценках творчества поэта.

Систематизация всех пушкинских цитат и упоминаний о нем позволяет утверждать, что на протяжении всего существования журнала интерпретация творчества Пушкина имела двойственный характер. Противоречивые оценки наследия поэта демонстрировали ограниченность нормативной программы, осознанную самими ее создателями. Антипушкинские выступления в журнале «Отечественные записки» были вызваны стремлением доказать историческую исчерпанность дворянской литературы, главой которой поэт считался, ее практическую неприложимость к ближайшим и наиболее важным интересам дня и обосновать принципиально иные пути литературного развития. Программная заданность отношения к действительности новой литературы, связанная с регламентацией предмета изображения, основных типов героев, мотивировок (социологических и социально-психологических детерминант) влекла за собой постановку вопроса о «ненародности» творчества Пушкина в «Отечественных записках» и негативную оценку разнообразия тематики его творчества. Герои его произведений, и в частности родоначальник «лишних людей», подвергались интерпретации с точки зрения идеала «деятели» в соответствии с оценкой роли интеллигенции в общественном развитии. Активизация социально ориентирующей функции литературы прогнозировалась как рационализация художественного мышления, обязательное присутствие в художественных произведениях «сознательной тенденциозности», идеала. На этом основании отрицалось значение творчества Пушкина как не имеющее идейной целеустремленности, не создавшее «направления» в умственном развитии общества.

Противоположные позитивные оценки наследия поэта, характерные для «Отечественных записок», демонстрировали ограниченность складывающейся в журнале нормативной программы и критики, не учитывающей образной сути произведений. Неудовлет-

воренность эмпиричностью новой литературы, слабостью аналитической мысли «народных реалистов», дидактизмом «псевдотенденциозных», как их называли сами сотрудники «Отечественных записок», произведений приводила к анализу художественного метода Пушкина, принципов типизации, способов выражения авторской позиции, конкретно-исторической интерпретации отдельных образов и прогнозированию преемственных связей между творчеством Пушкина и современной литературой. Двойственность концепции пушкинского творчества отражала противоречия между этическими и эстетическими установками, природой искусства, с присущими ему законами, и программой пропагандистской литературы. Двойственность журнальной интерпретации демонстрировала невозможность применения к крупным художественным явлениям требований актуальной с точки зрения критиков социальной значимости, заданности их идейного содержания, какими бы гуманными ни были эти идеи. Динамика литературной репутации Пушкина в «Отечественных записках» соответствовала изменениям в журнальной политике, отражавшей спады и подъемы общественной активности, реагировавшей на социально-политические события, влияние народнической идеологии, трансформировавшей развитие литературно-эстетических концепций и менявшей критерии оценок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ При ссылке на журнал «Отечественные записки» в круглых скобках будут указаны год, номер, отделение и цитируемые страницы.

² «Заурядный читатель» – один из псевдонимов А.М. Скабичевского. Стремясь солидаризоваться с читателем, Н.К. Михайловский также выступал под маской «профана». Один из его знаменитых циклов имеет название «Записки профана».

³ Теория «народной литературы» создавалась совместными усилиями сотрудников журнала (см. об этом: [3; 14; 15]).

⁴ Такая трактовка присутствует в следующих статьях: В.И. Водовозова «О воспитательном значении русской литературы» (1870. № 5. Отд. II. С. 92–124), Н.А. Демерт «Наша современная литература и общество» (1872. № 9. Отд. II. С. 50), А.М. Жемчужникова «Современные идеи» (1870. № 3. Отд. II. С. 92–124), А.П. Пятковского «Наши классики в ха-

рактеристиках Г. Галахова» (1870. № 8. Отд. II. С. 155–163), М.Е. Салтыкова-Щедрина: «Меж двух огней» (1869. № 1. Отд. II. С. 98), «Испорченные дети» (1869. № 9. Отд. II. С. 294), «Итоги» (1871. № 1. Отд. II. С. 132) и др., Н.К. Михайловского «Жертва старой русской истории» (1868. № 12. Отд. II. С. 234), М.К. Цебриковой: «Женские типы Шпильгагена» (1869. № 6. Отд. II. С. 173), «Псевдоновая героиня» (1870. № 5. Отд. II. С. 29) и др.

⁵ См. следующие статьи М.К. Цебриковой: «Женские типы Шпильгагена» (1869. № 6. Отд. II. С. 173), «Псевдоновая героиня» (1870. № 5. Отд. II. С. 29), «Гуманный защитник женских прав» (1870. № 2. Отд. II. С. 216, 226, 228), «Англичанки-романистки» (1871. № 9. Отд. II. С. 122), «Беллетристы-фотографы» (1873. № 12. Отд. II. С. 232) и др.

⁶ Имеются в виду статьи Н.К. Михайловского «Что такое прогресс?», публицистические циклы «Записки профана», «Литературные и журнальные заметки».

⁷ См. следующие статьи Н.К. Михайловского: «Литературные и журнальные заметки» (1874. № 2. Отд. II. С. 338; № 3. Отд. II. С. 198, 203, 221; № 4. Отд. II. С. 379, 394), «Записки профана» (1875. № 5. Отд. II. С. 136; № 6. Отд. II. С. 302, 312, 316, 322–324; № 7. Отд. II. С. 171, 181) и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаркави, А. М. Чернышевский и Добролюбов о «лишних людях» / А. М. Гаркави // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Саратов, 1975. – Вып. 7. – С. 27–48.

2. Егоров, Б. Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов / Б. Ф. Егоров. – Л. : Искусство, 1991. – 336 с.

3. Емельянов, Н. П. «Отечественные записки» Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884) / Н. П. Емельянов. – Л. : Худ. лит., 1986. – 246 с.

4. Зельдович, М. Г. Статьи Чернышевского о Пушкине в общественно-литературной борьбе 50-х годов / М. Г. Зельдович // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. – Вып. 4. – С. 50–74.

5. Ильин, В. В. Писарев и Пушкин / В. В. Ильин. – Смоленск : Изд-во Смоленск. ун-та, 1972. – 312 с.

6. Кондаков, И. В. Покушение на литературу (О борьбе литературной критики с литературой в русской культуре) / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 2. – С. 75–127.

7. Кондаков, И. В. «Потерянный рай» русской литературы / И. В. Кондаков // Пути и миражи русской культуры. – СПб. : Северо-Запад, 1994. – С. 191–221.

8. Кондаков, И. В. «Раздвоение единого» (Две линии в развитии русской культуры) / И. В. Кондаков // Вопросы литературы. – 1991. – № 7. – С. 64–80.

9. Конкин, С. С. Пушкин в критике Писарева / С. С. Конкин // Русская литература. – 1972. – № 4. – С. 50–74.

10. Макаровская, Г. В. Пушкин в оценке Чернышевского / Г. В. Макаровская // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – Вып. 8. – С. 50–111.

11. Попов, И. В. К вопросу об отношении Чернышевского к Пушкину / И. В. Попов // Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – Вып. 10. – С. 26–42.

12. Попов, И. В. К характеристике этических основ в выступлениях Д.И. Писарева против «чистого

искусства» и искусства «объективного» / И. В. Попов // Ученые записки Куйбышевского педагогического института. – Куйбышев, 1971. – Вып. 86. – С. 96–117.

13. Рунт, М. И. Проблемы художественности в суждениях Н.Г. Чернышевского о Пушкине / М. И. Рунт // Русская критика и историко-литературный процесс. – Куйбышев : Пед. ин-т им. Куйбышева, 1983. – С. 76–96.

14. Смирнов, В. Б. «Отечественные записки» и русская литература 70–80-х годов XIX века / В. Б. Смирнов. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 1998. – 264 с.

15. Теплинский, М. В. «Отечественные записки» 1868–1884 / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск : Дальневост. изд-во, 1966. – 398 с.

THE INTERPRETATION OF A.S. PUSHKIN'S WORKS IN "OTECHESTVENNYE ZAPISKI"

T.V. Nazarova

Methodological bases of paradoxical objection of the importance of the poet's heritage for the Russian culture are shown. The general direction of the interpretation of Pushkin's works by the critics of the democratic magazine is revealed. Courses of the contradictory assessment are analysed.

Key words: *Pushkin's works, interpretation, democratic magazine, the theory of the public realism, methodology of the criticism.*